

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Вафин Артур Мансурович

**ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология политической науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2013

Работа выполнена в секторе философии российской истории
ФГБУН «Институт философии Российской академии наук».

Научный руководитель: Доктор политических наук
Малахов Владимир Сергеевич

Официальные оппоненты:

Доктор политических наук, профессор философского факультета ФГОБУ
ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
Бойцова Ольга Юрьевна

Кандидат политических наук, научный сотрудник сектора
философских проблем политики ФГБУН «Институт философии
Российской академии наук»
Шарова Вероника Леонтьевна

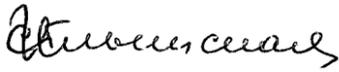
Ведущая организация:
**кафедра политической теории ФГОБУ ВПО «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»**

Защита состоится « 14 » мая 2013 г. в 16:00 на заседании диссертационного
совета Д.002.015.05 при ФГБУН «Институт философии Российской академии
наук» по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14/1, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии
РАН.

Автореферат разослан «   » апреля 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Кандидат политических наук С.Г. Ильинская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Политическая маргинальность – малоизученный феномен современной политической науки. Предметом анализа в научной литературе, как российской, так и западной, выступает социальная маргинальность, тогда как феномен политической маргинальности остается вне поля зрения. Если данный феномен и становится предметом изучения, то в фокус внимания исследователей попадает исключительно его социальное измерение.

В современной политической теории уже стала обычной фокусировка на таких темах, как политические системы, политические идеологии, политическое лидерство, однако целый ряд подвопросов внутри этих тем не анализируется. К подобного рода подвопросам относится деятельность внесистемных политических агентов, которая и составляет феномен политической маргинальности.

В диссертационном исследовании рассматриваются следующие ключевые вопросы: как происходит превращение политических маргиналов в системных политиков, и каковы институциональные, социокультурные и политико-культурные условия перехода от состояния политической маргинальности к состоянию встроенности в политическую систему?

По нашему мнению, политическая маргинальность носит ситуативный характер. Один и тот же политический агент, в зависимости от конкретных условий, в одной ситуации может выступать как политический маргинал, а в другой – как системный политический агент. Политический маргинал либо изменяет политическую систему, либо изменяется сам.

В эмпирической плоскости политическая маргинальность проявляет себя в переходных состояниях. Внесистемный политический агент либо входит в политическую систему и становится членом политического мейнстрима, либо остается вне политической системы, что лишает его

властного влияния, способности участвовать в принятии легальных политических решений.

В результате удачного перехода (вхождения в политическую систему) возникают примечательные феномены: бывшие крайне левые и крайне правые политические активисты становятся членами Европейского парламента; первые голосуют за защиту авторских прав и гуманитарные интервенции, а вторые выставляют себя в качестве авангарда защиты демократии. В России политические маргиналы, пытаясь приспособиться к требованиям политической системы, вырабатывают гибридные формы идеологии, комбинируя элементы взаимоисключающих типов дискурса.

Степень научной разработанности темы. Феномен политической маргинальности в отечественной литературе до сих пор практически не анализировался. Предметом исследования становилась социальная маргинальность, однако последняя не тождественна политической маргинальности. Политическая маргинальность – это социально-политический, но не социальный феномен в чистом виде.

Термин «маргинальность» был введен американским социологом Р. Парком в статье 1928 года «Человеческая миграция и маргинальный человек». Предшественниками Парка следует считать социологов Г. Зиммеля и А. Щюца, исследовавших феномен чужака¹. К историко-социологическому анализу социальной маргинальности относятся работы Р. Штихве и П. Эллиотта². Социально-философская (и отчасти психологическая) рефлексия о маргинальности была предпринята в работах Ж. Батая и М. Фуко³. Среди российских исследований, в которых поднимается вопрос о социальной маргинальности, следует выделить работы С.П. Баньковской, А.Н. Гусева,

---

¹ Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. Сер. 11. Социология. № 3; Зиммель Г. Эскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». Москва, 2008; Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.

² Stichweh R. The Stranger – on the Sociology of the Indifference // Thesis Eleven. 1997. Vol. 51. №1; Elliott P. The origins of the «creative class»: provincial urban society, scientific culture and socio-political marginality in Britain in the eighteenth and nineteenth centuries // Social History. 2010. Vol. 28. №3.

³ Батай Ж. Запрет и трансгрессия // URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (Дата обращения: 28.02.2012); Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.

В.Г. Николаева⁴. В некоторых публикациях термин «маргинал» выступает как синоним «аутсайдера», а «маргинальность» отождествляется с «ненормальностью».⁵ Кроме того, ряд авторов, изучающих феномен глобализации, включают рассмотрение миграционных потоков в контекст социальной маргинальности⁶.

На феномен политической маргинальности впервые обратили внимание американские политологи И.Л. Горовиц и М. Лейбовиц⁷. Тем не менее, предпринятое ими описание касается скорее социальной маргинальности в контексте политики, чем собственно политической маргинальности. В частности, авторы увязывают проявления маргинальности с восстаниями чернокожих в Филадельфии, Чикаго, Лос-Анджелесе, Рокестере, а также с девиантным поведением в некоторых группах (алкоголизм, наркомания). Политическую маргинальность Горовиц и Лейбовиц интерпретируют как нечто негативное и аномальное, требующее социального исправления.

Исследование феномена политической маргинальности предполагает обращение к политико-культурным особенностям различных политических систем, а также к способам конвертации капиталов в этих системах⁸.

---

⁴ Баньковская С. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 1; Гусев А.Н. Андеркласс и маргинальность: сравнительный анализ современных теорий и Чикагской концепции // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1; Гусев А.Н. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. 2009. Том 8. № 2; Николаев В.Г. Миграция и маргинализация в интеракционистской перспективе // Социологический журнал. 2010. № 1.

⁵ Розин В.М. Российский маргинал как точка бифуркации (он же потенциальный эзотерик, шизофреник, манипулятор, социальный нигилист) // Философия социальных коммуникаций. 2006. Том 2, №2. Фуко М. Ненормальные. СПб., 2005

⁶ Галсанамжилова О.Н. К вопросу о структурной маргинальности в российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX, №4; Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М., 2011. Гусев А.Н. Социальная маргинальность: основания пространственно-функционального подхода в социологической теории. URL: http://www.mgimo.ru/files/126929/aftoref_gusev.doc (Дата обращения: 28.02.2012).

⁷ Horowitz I.L., Liebowitz M. Social Deviance and Political Marginality: Toward a Redefinition of the Relation Between Sociology and Politics // Social Problems. 1968. Vol. 15. №3. P. 280-296.

⁸ Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура: подход к изучению политической культуры (I) // Полития. 2010. №2(57); Они же. Гражданская культура: подход к изучению политической культуры (II) // Полития. 2010. №3-4(58-59); Малинова О. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука: Исследования политической культуры: современное состояние: сб. науч. тр. М., 2006; Неретина С., Огурицов А. Концепты политической культуры. М., 2011; Пикалов А. Теория политической культуры. СПб., 2004.

Анализ феномена политической маргинальности предполагает обращение и к таким феноменам как политическая идеология и политическое лидерство. К этим феноменам в разное время обращались как классики (М. Вебер, К. Маркс, К. Манхейм, Л. Альтюссер)⁹, так и современные авторы (П. Помбени, Т. Иглтон, М. Фриден, Д. Ольшанский, М.М. Федорова, В.С.Малахов)¹⁰.

Наконец, феномен политической маргинальности косвенно затрагивается в научной литературе, посвященной изучению ультралевых и ультраправых организаций и идеологий (Н. Копси, А. Умланд, М. Соколов, В. Малахов и др.¹¹)

---

⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Манхейм К. Идеология и утопия. URL: http://krotov.info/libr_min/m/mercury/manheim6.html (Дата обращения: 20.09.2011); Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3; Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005

¹⁰ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2010; Федорова М.М. К вопросу о генезисе понятия идеология // Политическая теория, язык, и идеология. М., 2008; Eigelton T. Ideology: An introduction. London; New York, 1991; Freedon M. Ideologies as communal resources // Journal of Political Ideologies. 1999. Vol. 4. №3.; Помбени П. Харизматическое лидерство между идеальным типом и идеологией (Реферат) // Политическая наука // Политическая наука. 2009. №4; Ольшанский Д. Вожди и лидеры. Вождизм. URL: <http://psyfactor.org/lib/lider6.htm> (Дата обращения: 20.09.2011); Lang D. A New Theory of Leadership: «Realwert» versus Apparent Good // Educational Management Administration Leadership. 1999. Vol. 27(2); Sarros J.C., Cooper B.K., Santora J.C. Building a Climate for Innovation Through Transformational Leadership and Organizational Culture // Journal of Leadership & Organizational Studies. 2008. Vol. 15. № 2.

¹¹ Соколов М. Изобретая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. №2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss14/9SokolovIzob.pdf> (Дата обращения: 28.02.2012); Соколов М. Конец русского радикального национализма? // Антропологический форум. 2008. Том 8; Соколов М. Национал-Большевистская Партия: Идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: Идеология и настроение. М., 2006; Соколов М. Русское Национальное Единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации // ПОЛИС. 2006. №1; Малахов В.С. Господин Ле Пен и другие // Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007; Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Umland6.pdf> (Дата обращения: 28.02.2012); Шеховцов А. Религиозно-националистический радикализм и политический процесс. На примере Русского православного национал-социалистического движения. URL: http://northampton.academia.edu/AntonShekhovtsov/Papers/79210/Religious_Nationalist_Radicalism_and_the_Political_Process_The_Case_of_the_Russian_Orthodox_National-Socialist_Movement (Дата обращения: 28.02.2012); Бурума И. Убийство в Амстердаме: Смерть Тео ван Гога и границы толерантности. М., 2008; Copsy N. Changing course or changing clothes? Reflections on the ideological evolution of the British National Party 1999-2006. // Patterns of Prejudice. 2007. Vol. 41. №1; Bernard C. Populism, Politics and Democracy // Democratization. 2005. Vol. 5. №12; Dorussena H. Pim Fortuyn And the «new» far right in the Netherlands // Representation. 2004. Vol. 40. № 2; Mendelsohn F. The Return of the Repressed: Is Austria a Racist Society? // Patterns of Prejudice. 2000. Vol. 28. №2; Mitten R. Jörg Haider, the Anti-immigrant Petition and Immigration Policy in Austria // Patterns of Prejudice. 1994. Vol. 34. №4; Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared // Perspectives on European Politics and Society. 2010. Vol. 11. № 1; Wal J.T. The Discourse of the Extreme Right and Its Ideological Implications: The Case of the Alleanza nazionale on Immigration // Patterns of Prejudice. 2000. Vol. 34. №4.

Научная новизна исследования. В диссертационном исследовании впервые анализируется феномен политической маргинальности, дается систематическое описание данного феномена. Предметом анализа выступают как европейские образцы политической маргинальности, так и российская специфика политической маргинальности.

В большинстве работ политическая маргинальность понимается как девиантное поведение (откуда проистекают негативные коннотации данного термина), в нашем исследовании термин политическая маргинальность употребляется в нормативно-нейтральном смысле. Наш подход отличается от подхода большинства авторов и прежде всего от интерпретации политической маргинальности, предложенной в диссертации Н. В. Ивановой. В диссертации Ивановой не проводится различие между политической маргинальностью и политической маргинализацией, а предмет анализа ограничивается периодом российской истории между «горбачевской» перестройкой и «ельцинской» трансформацией¹².

Анализ феномена политической маргинальности особенно значим для российской политической практики. Российская политическая система только устоялась. Перед политическими партиями стоит существенный вызов, связанный с радикализацией молодежи и части населения страны в целом. Научная значимость диссертационного исследования состоит в том, что сделанные в ней выводы смогут помочь в развитии в России демократического государства в целом и в демократизации российских политических партий в частности.

Хронологические рамки исследования. Временные ограничения эмпирической части четко не фиксированы, т.к. в работе анализируются разные случаи, специфичные как в страновом, так и в биографическом отношении. В фокусе нашего внимания находятся современные Россия и Европа, где поворотной точкой выступает 1968 год. Что касается анализа

---

¹² *Иванова Н.В.* Маргинальность в политическом пространстве: Дис... канд. полит. наук. Саратов, – 150 с.

конкретных политических агентов, то ключевым ограничителем является время их политической активности.

Источниковая база исследования была разделена нами на две группы: теоретическую и эмпирическую. К теоретическим источникам относится корпус текстов, анализируемый в целях наиболее четкого описания феномена социальной и политической маргинальности. Обширный перечень эмпирических источников касается непосредственно анализируемых нами политических агентов и тех политических организаций, которые они представляют. Сюда входят: тексты и интервью из средств массовой информации, как печатных, так и непечатных, в том числе из интернет-ресурсов «пропагандистского» характера (т.е. выражающих позицию тех или иных внесистемных политических агентов).

Теоретико-методологические основания работы выступает социальный конструктивизм. Как и теория систем, социальный конструктивизм является многогранным теоретическим явлением. Такой подход позволяет описать политические процессы объективно и в нормативно-нейтральном ключе. Среди авторов конструктивистов такие всемирно известные социологи, как П.Л. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё и Э. Гидденс¹³. Параллельно с социологической парадигмой существует психологическое направление конструктивизма, такое как радикальный конструктивизм. Психологический в конструктивизме связан с теорией систем. Одно из значимых понятий радикального конструктивизма – аутопойесис, заимствованное из теории систем¹⁴.

Для описания феномена политической маргинальности мы обращаемся к работам П. Бурдьё и Н. Лумана¹⁵. Отдавая себе отчет в глубоких различиях

---

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2005.

¹⁴ Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен, 2000.

¹⁵ Бурдьё П. Начала. М., 1994; Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001; Бурдьё П. Социология политики. М., 1993; Луман Н. Власть. М., 2001; Назарчук А.В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана // ПОЛИС. 2006. №3.

между их подходами, мы считаем возможным использовать оба из них в дескриптивных целях.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в выработке нового знания о феномене политической маргинальности, которое может использоваться в качестве теоретического и практического инструментария для анализа политических процессов. Полученные результаты могут использоваться при разработке учебных пособий и курсов лекций по политической теории и прикладной политологии.

Предметом исследования является феномен политической маргинальности – специфическое положение внесистемного политического агента, стремящегося занять место в политической системе.

Цель диссертационного исследования – описать и проанализировать феномен политической маргинальности, а также условия возможности ее преодоления.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- выявить различия социальной и политической маргинальности;
- разработать типологию политической маргинальности;
- проанализировать политико-культурные механизмы, способствующие преодолению политической маргинальности, т.е. встраиванию политического маргинала в политическую систему;
- описать способ обращения политических маргиналов с идеологией;
- выявить соотношение политической маргинальности и политического лидерства;
- проанализировать конкретные случаи политической маргинальности, встречающиеся в России и ряде стран Западной Европы (Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Австрия, Италия).

Положения, выносимые на защиту.

1. Автор доказывает, что политическая маргинальность – это положение политического агента или групп агентов, которые находятся вне

политической системы. Вместе с тем, существуют условия, при которых могут появиться лидеры и группы, способные преодолеть политическую маргинальность.

2. Феномен политической маргинальности не сводится к социальной маргинальности, и их различие в ряде ситуаций имеет существенное значение.

3. Автор различает два типа политических маргиналов: стремящихся и не стремящихся преодолеть собственный внесистемный статус. Первый тип – это внесистемные политические агенты, которые характеризуются вольным обращением с идеологией. Данный тип обнаруживает готовность и способность к приспособлению к требованиям политической системы, а значит – к преодолению собственной внесистемности. Второй тип – это политические агенты, которые в силу догматической приверженности определенному корпусу идей, обречены оставаться вне политической системы.

4. Условия преодоления политической маргинальности варьируются в зависимости от наличия у внесистемных агентов символического и культурного капитала, особенностей функционирования политической системы, а также от политико-культурных особенностей той или иной страны.

Апробация работы. Положения диссертации были представлены в ведущих российских политологических журналах, а также в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», издаваемым кафедрой Новейшей истории Центральной и Восточной Европы Католического Университета г. Айхштетт (ФРГ) совместно с Институтом Восточноевропейских исследований¹⁶.

---

¹⁶ Вафин А. Идеино-политическая платформа Национал-большевистской партии в контексте эволюции национал-большевистских идей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1; Вафин А. Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты // ПОЛИС. №4. 2011 С. 137-144; Вафин А. Политическая маргинальность: феномен чужака с точки зрения политической теории // Полигнозис. №2. 2011. С. 82-88.

Рефлексия о практике политических маргиналов привела к созданию работы «Working with Other Who Hates You». Доклад, доработанный в статью, был представлен в июне 2010 года на международной конференции «Этнокультурный плюрализм и проблема толерантности в глобализирующемся мире», организованной Исследовательским комитетом Международной ассоциации политической науки по этничности и политике (RC14) совместно с Российской ассоциацией политической науки и Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия». Статья на английском и русском языке опубликована в сборнике¹⁷.

Основные положения диссертации излагались также на следующих научных школах, конференциях и семинарах: V Международная научная конференция Российской ассоциации политической науки (ноябрь 2010 года); VII Международная межвузовская конференция «Россия и современный мир: проблемы политического развития» (Институт бизнеса и политики, апрель 2011 года); «Векторы развития современной России: прагматика научного познания» (Московская высшая школа социальных и экономических наук, апрель 2011 года); Зимняя школа «Россия, НАТО и ЕС: перспективы трехстороннего сотрудничества», (февраль 2011 года, город Великий Новгород); Международная программа «European Union Studies: Methodological Opportunities and Limits» (июнь-июль 2011 года, город Стрельна (Ленинградская область)); Центр изучения проблем гражданства и идентичности (май 2011 года)¹⁸.

Автором подготовлен спецкурс «Политическая маргинальность: теоретический и эмпирический аспекты».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и литературы.

---

¹⁷ *Vafin A. Working with Other, Who Hates You (Вафин А. Работа с другими, кто ненавидит вас) // Ethno-cultural Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World. St.-Petersburg, 2010. P. 222-227.*

¹⁸ *Вафин А. Политическая маргинальность в России и Европе: путь Д. Кон-Бендита и Э. Лимонова в большую политику // Изменение России: политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 25-26 ноября 2010 года. М., 2010. С. 41-42. Вафин А. Политическая маргинальность: практический аспект // Россия и современный мир: проблемы политического развития. VII Международная межвузовская конференция. Тезисы. Москва, 21-23 апреля 2011 года. М., 2011. С. 135-136.*

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель, задачи и предмет исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, определяются теоретико-методологические основания работы, ее научная новизна, теоретическое и практическое значение.

В первой главе «Политическая маргинальность в контексте политической науки» выявляются различия социальной и политической маргинальности. Политическая маргинальность вводится в корпус политической науки в соотношении с категориями «политическая система» и «поле политики».

В параграфе 1.1. «Политическая маргинальность и поле политики: системные и внесистемные политические агенты» анализируются концепты чужака и маргинала, разработанные Г. Зиммелем, А. Шюцем и Р. Парком. Основываясь на трудах классиков, мы обращаемся к категориям «поле политики» (П. Бурдьё) и «политическая система» (в том виде, как эта категория осмысляется Н. Луманом).

Поле политики – это политическое пространство, в котором происходят взаимодействие и борьба агентов, обладающих различными габитусами и капиталами. Капитал в данном случае – синонимом слова ресурсы. Чтобы занимать определенное место в социальном пространстве (поле политики, поле культуры и др. полях) необходимо наличие капиталов. Бурдьё придает значение символическому, культурному и экономическому капиталу. Габитус – это подстройка субъективных представлений под социальные структуры.

Политическая система – понятие, не используемое П. Бурдьё. Тем не менее, реальность, описываемая этим понятием, имплицитно присутствует в его размышлениях о поле политики, а именно, там, где речь идет об

институционализированной его части, где политика является делом государственной власти. В редуцированном виде политическая система тождественна совокупности институтов власти.

Говоря о политической системе, мы исходим из идей немецкого социолога Н. Лумана. В своей теории Луман использует биологическое понятие аутопойесиса (введено У. Матураной и Ф. Варелой). Аутопойесис означает самопостроение человека и живых существ. Луман же применяет понятие аутопойесиса более широко, описывая с его помощью общество и социальные системы. Политические системы для Лумана – это не сводящиеся друг к другу совокупности следующих элементов: политико-административные учреждения и институты, общественность, формальные и неформальные организации (здесь можно встретить как партии, так митинговые образования), а также средства массовой информации.

Между теорией Бурдьё и Лумана существует определенное противоречие, однако мы разрешаем его следующим образом: во-первых, политическая система существует в поле политики; во-вторых, хотя лумановская система состоит из разных элементов (включая общественность), мы ограничимся ее административным элементом. Безусловно, административный элемент не является независимым от общественности или СМИ, однако практика политических систем показывает стремление администрации к автономизации, желании администрации стать аутопойесисом. Подобная ситуация наблюдается и со СМИ (в западных странах такая ситуация исследователями именуется постдемократией). Все зависит от специфики того или иного государства. Таким образом, политическую систему следует понимать как нарушенную целостность, где один элемент пытается заменить собой всю систему.

В результате мы приходим к тому, что политическая маргинальность – это феномен, характеризующий такое состояние политического агента или групп агентов, в котором они являются внесистемными политическими агентами в границах политического поля.

На наш взгляд, имеет смысл различать два типа политической маргинальности: первый тип – внесистемный политический агент, который стремится занять место в политической системе; второй тип – внесистемный политический агент, который не заинтересован или не способен участвовать в легальном политическом процессе.

В параграфе 1.2. «Политическая маргинальность и политико-культурные особенности политических систем» рассматриваются политико-культурные особенности политических систем, а также функционирование политических институтов в рамках этих систем. Учитывая, что исследуемые нами случаи связаны с Россией, Британией, Германией, Францией и Европой в целом, основным политическим институтом, который мы рассматриваем, является парламент. Парламент представляет собой своего рода макросрез (поэтому особый интерес для нас представляет Европейский парламент), политика которого «увязана» с политической культурой, избирательной системой и конституционным устройством конкретной страны-члена.

Российской политической культуре присущи «патрон-клиентские» отношения. При этом патронажное президентство (патронат был заложен Ельциным) характерно не только для России, но и для других стран СНГ. С приходом В. Путина в государстве усиливаются автократические тенденции. Мы соглашались с мнением политолога А. Зудина, что центральным свойством нового режима становится моноцентризм. Исходя из теории Н. Лумана, мы можем сказать, что административный элемент в России стал доминирующим над общественностью и над СМИ.

Британская избирательная система известна своей жесткой селективностью при партиципаторной политической культуре. Англосаксонская модель избирательной системы ведет к созданию двухпартийной (или «двухполовинной партийной») системы, Британия является тому прекрасным подтверждением. Таким способом отсеиваются те политические агенты, которые переходят границу дозволенного (например,

отрицают холокост, проповедуют расизм, спонсируют фашиствующих скинхедов). Большая часть граждан никогда не проголосует за них, следовательно, если им не удалось получить достаточного количества голосов, то доступ в политическую систему институционально перекрывается. Однако на локальном уровне (выборы в местные органы власти), а также на макро-уровне (выборы в Европейский парламент) такие политические агенты могут получить места в этих политических институтах.

Что касается законов таких европейских стран, как Франция и Германия, то они позволяют быть избранными в Европарламент не только гражданам конкретных стран, но и гражданам стран Европейского союза.

В России основным барьером для встраивания политических маргиналов в политическую систему является сильный административный элемент, доминирующий над общественностью и СМИ. В современной Европе (и США) наблюдается иная ситуация. Политические системы здесь более транспарентны. В них доминируют СМИ, но при этом СМИ не только информируют граждан, сколько манипулируют ими. Это обстоятельство позволяет характеризовать современное состояние данных систем как постдемократическое..

Термин «постдемократия» предложен в одноименной книге К. Крауча. «Постдемократия» – это ситуация, в которой обычные граждане не лишены участия в формировании повестки дня, но в саму общественную жизнь они включены не как значимые агенты, а как полезные ресурсы, используемые в интересах элит. Одна из форм таких ресурсов – электоральная активность населения. С помощью рекламных технологий, транслируемых через средства массовой информации, элиты манипулируют массами в своих интересах, далеких от нужд рядовых граждан.

В таких условиях задача политических маргиналов заключается в том, чтобы (а) не противопоставлять себя корпоративным элитам (вставая на пути реализации их интересов) и (б) привлекать внимание СМИ. Кто попадает в поле зрения СМИ, тот имеет шанс преодолеть собственную политическую

маргинальность. Говоря языком Бурдьё, символический капитал, приобретенный за счет СМИ, может быть успешно вложен в интегрирование в политическую систему.

С постдемократией коррелирует такой феномен, как либерально-консервативный консенсус. До экономического кризиса 2008 года, с определенными оговорками, либерально-консервативный консенсус можно было бы назвать особой формой политической культуры в США, Британии, Германии и Франции. П. Андерсон связывает появление либерально-консервативного консенсуса с ситуацией постмодерна. Либерально-консервативный консенсус – это специфическая идеология, открывающая дорогу в политическую систему политическим маргиналам и популистам.

В параграфе 1.3. «Политическая маргинальность и идеология» сначала рассматриваются основные подходы к идеологии, существующие в современной политической науке, а затем предлагается анализ специфики обращения с идеологией со стороны политических маргиналов.

В параграфе 1.3.1. «Идеология и утопия» автор, рассмотрев различные подходы к идеологии, приходит к выводу, что программы, предлагаемые политическими маргиналами, следует рассматривать как гибкие утопические проекты, направленные на всех и каждого. Кристаллизовавшиеся в виде партий подобные проекты политолог О. Кирхаймер именовал как «catch all parties» («партии хватай всех»). Гибкость обеспечивает подвижность интегративных обещаний и гарантий, которые политический маргинал дает не только своему электорату, но и политической системе. Утопичность сочетается с говорением от лица науки, подстраиванием взглядов политических маргиналов под императивы науки. Такая риторика характерна как для ультраправых, так и для левых. Переходное состояние маргиналов означает то, что им требуется одобрение и поддержка со стороны политической системы, а также потенциальная поддержка со стороны тех, кто, возможно, является ее противниками. «Интерпелляция», или «клик» (термин Л. Альтюссера) – ситуация, в

которой субъект узнает себя и своих через обращение к нему другого. В случае политических маргиналов адресатом «оклика» выступает не какая-либо узкая и специфическая группа, а максимально широкие слои социально уязвленного населения. Этим обстоятельством объясняются попытки ультранационалистических организаций с крипто-расистской идеологией вовлечь в свои ряды чернокожих и выходцев из Азии.

Идеологии политических маргиналов – это утопии. Не рассуждая оценочно, мы можем последовать за интерпретацией идеологии С. Жижеком. Используя мысль П. Слотердайка, Жижек говорит о противостоянии идеологии цинизма и кинизма, где кинизм – это защита общественных интересов, а цинизм – защита партикулярных интересов с использованием риторики защиты общественных интересов. К примеру, откровенный нацист, верящий в свои идеалы, ратующий за чистую арийскую расу без инородных примесей, – будет киником. Циником будет тот, кто является нацистом, но для получения симпатий разных слоев электората, маскирует свой нацизм, презентирует себя в качестве борца с неконтролируемой иммиграцией.

В параграфе 1.3.2. «Национал-большевизм, анархизм, экологизм» анализируются перечисленные идеологические течения и их соотношение с теми идейно-политическими платформами, на которых стоят конкретные политические маргиналы.

Согласно реконструкции историка М. Агурского, термин «национал-большевизм» возник благодаря коммунисту К. Радеку. Этим термином К. Радек назвал проект гамбургских коммунистов, активистов «Германской коммунистической рабочей партии», начавших сотрудничать с националистами. Несмотря на присвоение дискурса германских национал-большевиков начала XX века некоторыми современными маргиналами, в их риторике термин «большевизм» отсылает к идее социальной справедливости и является фоном приставки «национал-».

Анархизм – это утопическое социально-политическое течение, исходящее из идеи о том, что государство и иерархическое подчинение

(власть) есть зло. Согласно этой доктрине, суть власти и государства заключается в надзоре, контроле и наказании. В своем понимании свободы современный анархизм сливается с антиглобалистскими (или альтерглобалистскими), феминистскими и экологистскими движениями.

Экологическую (экологистскую) идеологию не следует смешивать с экологической наукой. Представителей последней именуют экологами, тогда как представителей интересующей нас идеологии – экологистами. Специфика зарождения экологистской идеологии заключается в том, что ее ядро базировалось на экстремальном понимании человека и природы. В рамках этого понимания человек объявлялся «воином природы», выходящим за границы социального бытия.

На Западе существуют два основных течения, представляющих радикальный левый экологизм – это «глубинная экология» норвежского философа А. Нэсса и «экоанархизм» М. Букчина. «Глубинная экология» предполагает равенство ценности социальной и природной жизни. Природа – это не ресурс и не продукт; природа – это часть человека, которую не должны трогать наука и прогресс. «Глубинная экология» не предполагает отказа от благ цивилизации, но предлагает ограничиться в потреблении. Суть программы «экоанархизма» заключается в отрицании биоцентризма. Если представители «глубинной экологии» замещали антропоцентризм биоцентризмом, то «анархисты» в лице Букчина стремились вернуть человека и общество в природу. Менее радикальные экологисты – это «зеленые», представленные такими организациями как Гринпис и Партия зеленых.

В параграфе 1.4. «Политическая маргинальность и политическое лидерство» рассматривается соотношение политической маргинальности и политического лидерства. Классическая политическая наука предпочитает рассматривать политических лидеров уже в качестве состоявшихся системных политических агентов, даже несмотря на то, что лидерскими

качествами они могут не обладать. Здесь политологи расходятся во взглядах с учеными, которые занимаются организационной психологией.

Так как мы не являемся сторонниками примордиализма, в диссертации не рассматриваются, объясняющие лидерство с точки зрения генетики и каких-либо врожденных особенностей. Лидерство нас интересует как социально-психологический феномен, где индивидуальное измерение человека как влияет на общественные отношения, так и находится под их воздействием.

Исходя из вышеизложенного, политический маргинал – это оппозиционный лидер, который, либо стремится ограничить свою оппозиционность, либо наоборот, стремится перейти к конфронтации, уйти от конструктивного диалога. Исходя из нашего понимания политической маргинальности, мы можем говорить о следующих типах лидеров, в большей степени характерных для данного феномена: во-первых, это лидер-популист; во-вторых, это идеологически ангажированный политический лидер. Хотя подобные характеристики лидерства встречаются и в политическом мейнстриме, популизм и идеологическая ангажированность являются сущностными свойствами политической маргинальности.

В случае политических маргиналов первого типа на первый план выходит популизм. Лидер-популист обнаруживает гибкость по отношению к той идеологии, адептом которой себя представляет. В случае политических маргиналов второго типа решающее значение имеет идеологическая ангажированность. Такой лидер чрезвычайно ригиден, его привязка к идеологическому ценностному ядру настолько сильна, что он не способен поступиться собственными принципами даже в тактических целях.

Во второй главе «Эмпирическое измерение политической маргинальности» рассматриваются конкретные примеры политических маргиналов. Особое внимание при этом уделяется тем из них, кто успешно преодолел свою политическую маргинальность.

В параграфе 2.1. «Случай России» анализируются случаи таких политических маргиналов, как Э. Лимонов, А. Баркашов, А. Иванов-Сухаревский и В. Анпилов.

В параграфе 2.1.1. «Эдуард Лимонов и Национал-большевистская партия» мы приходим к тому, что Лимонову, несмотря на некоторые компромиссные решения (участие в выборах, либерализация идеологии), так и не удалось войти в политическую систему, ни в ельцинскую, ни в ту, что сложилась при В. Путине. В 90-е Лимонову не удалось преодолеть институциональные барьеры, в 2000-е к ним добавились отсутствие легальных каналов коммуникации и партийной автономности.

Лимонов в большей степени востребован СМИ, чем другие политические маргиналы. На наш взгляд, Лимонов воспринимает жизнь как литературу, строит жизнь как текст. Соответственно, политика для него – это в большей степени искусство, чем политика как таковая. Лимонов исключает себя из легальных политических процессов. Его политическая активность больше приносит символический капитал, чем политический. Лимонов, исходя из нашего описания соотношения политической маргинальности и политического лидерства, – лидер-популист, что подтверждает постоянная смена риторики. Однако при всей эклектичности риторики Лимонова она обнаруживает одну общую черту: эта риторика всегда направлена против политической системы, что свидетельствует о таком характерном свойстве маргинальности как идеологическая ангажированность.

В параграфе 2.1.2. «Александр Баркашов (Русское национальное единство), Александр Иванов-Сухаревский (Народная национальная партия) и Виктор Анпилов (Трудовая Россия)» фиксируется, что ультраправый политический агент А. Баркашов почти полностью отошел от политической деятельности. В сравнении с Лимоновым, который находится в поле политики, лидер Русского национального единства (РНЕ) Баркашов исключен из этого поля. Он ушел в монахи христианской секты, и лишь иногда напоминает о себе на съездах карликовой организации, возникшей на

обломках прежнего РНЕ. В схожей ситуации находится сегодня и некогда активный ультраправый активист А. Иванов-Сухаревский. Он практически полностью маргинализирован.

Отсутствие в сегодняшних СМИ Баркашова, Иванова-Сухаревского и Анпилова (за редкими исключениями) можно объяснить изменением политической системы после 2000 года. Во-первых, политический класс апроприировал «патриотический» и отчасти «социалистический» дискурс. Во-вторых, это усвоение потребовало исключения из политической риторики любых проявлений радикализма.

В параграфе 2.2. «Случай Европы» анализируются случаи таких политических маргиналов, как Н. Гриффин (Британия), Д. Кон-Бендит (Франция – Германия), а также Й. Фишер (Германия) и ультраправые политические агенты П. Фортейн (Нидерланды), Й. Хайдер (Австрия), Ж.-М. Ле Пен (Франция), Дж. Фини (Италия).

В параграфе 2.2.1. «Ник Гриффин и Британская национальная партия» рассматривается успех Н. Гриффина. Успех Гриффина и Британской национальной партии (БНП) в значительной мере связан как с институциональными особенностями политической системы Евросоюза, так и с особенностями британской политической культуры. Для последней характерна чрезвычайно высокая значимость такой ценности как свобода самовыражения (freedom of expression). Если бы в Германии или Австрии человек, позволивший себе высказывания в духе Гриффина, сидел бы в тюрьме (в этих странах отрицание холокоста является уголовно наказуемым), то в Великобритании табу на подобные высказывания является исключительно моральным. Это позволяет радикалам, при условии определенной коррекции своей риторики, участвовать в публичных дебатах и в политической деятельности.

В параграфе 2.2.2. «Йорг Хайдер (Австрийская партия свободы), Пим Фортейн (Список Пима Фортейна) и другие европейские ультраправые» в совокупности рассматриваются успешные случаи

преодоления политической маргинальности. В частности, популизм Й. Хайдера способствовал его политическому восхождению в Австрии. Политический успех Хайдера и французского правого популиста Ж.-М. Ле Пена стал ориентиром для ультраправых во всей Европе.

Особенностями национальной политической культуры объясняется успех ультраправого голландского политика П. Фортейна. Фортейн, в частности, воспользовался такой чертой голландской политической культуры, как безусловный приоритет гражданских прав и свобод, включая права и свободы, связанные с публичным проявлением нетрадиционной сексуальной ориентации. Будучи открытым геем, Фортейн строил свою антииммигрантскую и антимусульманскую кампанию вокруг тезиса, согласно которому иммигранты-мусульмане несут с собой угрозу правам человека вообще и правам гомосексуалистов, в частности. Важно заметить, что, хотя защита демократии и прав человека стала обязательным атрибутом риторики многих европейских ультраправых (в частности, к ней активно прибегали и Хайдер, и Фини, и Ле Пен), апелляция к защите прав сексменьшинств для них нехарактерна. Напротив, они, как правило, обнаруживают высокий уровень гомофобии. Публичное обращение к теме гомосексуализма – проявление специфики политической культуры Нидерландов, чем и не преминул воспользоваться Фортейн.

В параграфе 2.2.3. «Дэниэль Кон-Бендит и “зеленые”» анализируется случай бывшего маргинала Д. Кон-Бендит. Кон-Бендит обязан своим политическим восхождением ряду факторов. Это, во-первых, специфика политических культур тех стран, в которых разворачивалась его активность (Франция и Германия), а во-вторых, институциональное устройство политической системы Евросоюза. Имея репутацию ультралевого (во время парижских студенческих волнений 1968 года Кон-Бендит получил прозвище «красный Дэни»), Кон-Бендит постепенно эволюционирует от маоизма и анархизма к ставшему модным в Европе «экологизму». Отказ от радикализма и переход на позиции умеренного реформизма позволяют Кон-

Бендиту постепенно войти в политический истеблишмент Германии. Сначала он становится одним из лидеров немецких «зеленых» (1984), а затем, в 1989 году возглавляет один из магистратов в мэрии Франкфурта-на-Майне. В качестве представителя партии «зеленых» в 1994 году он избирается в Европарламент, где с 2002 году возглавляет фракцию «Зеленые/Европейский свободный альянс». А коль скоро законодательство Евросоюза позволяет одному и тому же лицу выставлять свою кандидатуру от разных государств-членов, Кон-Бендит баллотируется в последнее время уже не как немецкий, а как французский гражданин.

Эмпирический анализ успешного преодоления политической маргинальности позволяет сделать следующие выводы. Политические маргиналы получают возможность войти в политическую систему благодаря ряду объективных и субъективных обстоятельств. Первое: пропорциональная избирательная система. Даже если им не удастся набрать достаточного количества голосов на национальном уровне, они имеют шанс быть избранными в качестве депутатов в органы законодательной власти либо на локальном уровне, либо на над-национальном уровне (Европарламент). Второе: политическая культура, которая отстаивает право на свободу слова и мнений. Оба указанных обстоятельства носят объективный характер. Что касается обстоятельств субъективного характера, то к ним относится наличие (или отсутствие) у конкретного политического агента достаточного культурного и символического капитала.

Так, культурный капитал А. Иванова-Сухаревского и А. Баркашова весьма низок, а их символический капитал близок к нулю, по причине их открытых симпатий расизму и гитлеризму. Обучавшийся в МГУ Анпилов имеет определенный культурный капитал, но, в силу догматической приверженности сталинистским идеям – невысокий символический капитал. История Анпилова – это история маргинализации тех идей, адептом которых он является. Что касается Э. Лимонова, то, несмотря на отсутствие у него высшего образования, его культурный капитал значительно выше, чем у

упомянутых политических агентов. Лимонов – успешный писатель, книги которого переведены во многих странах; он знает несколько иностранных языков, что расширяет его социальные возможности. Благодаря успешной писательской карьере Лимонов сумел накопить определенный символический капитал, который он конвертирует в политику.

Рассмотренные нами европейские маргиналы являются образованными людьми, что обеспечивает им солидный культурный капитал. Н.Гриффин учился в Кембридже, П.Фортейн – доктор социологии, Д.Кон-Бендит – ученик известного социолога М. Кастельса. Их символический капитал поддерживается за счет независимых СМИ. Причем достаточно сделать неосторожное высказывание, как СМИ подорвут символический авторитет любого из этих политических агентов. Умение ладить со СМИ – залог для успешного преодоления политической маргинальности.

В заключении диссертации приводятся основные выводы по итогам исследовательской работы.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

Вафин А. Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты // ПОЛИС. 2011. №4. С. 137-144.

Вафин А. Политическая маргинальность: феномен чужака с точки зрения политической теории // Полигнозис. 2011. №2. С. 82-88.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации:

Вафин А. Идеино-политическая платформа Национал-большевистской партии в контексте эволюции национал-большевистских идей // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1. С. 137-149.

Вафин А. Политическая маргинальность в России и Европе: путь Д. Кон-Бендита и Э. Лимонова в большую политику // Изменение России: политические повестки и стратегии. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 25-26 ноября 2010 года. М., 2010. С. 41-42.

Вафин А. Политическая маргинальность: практический аспект // Россия и современный мир: проблемы политического развития. VII Международная межвузовская конференция. Тезисы. Москва, 21-23 апреля 2011 года. М., 2011. С. 135-136.

Vafin A. Working with Other, Who Hates You (*Вафин А.* Работая с другими, кто ненавидит вас) // Ethno-cultural Diversity and the Problem of Tolerance in the Globalizing World. St.-Petersburg, 2010. P. 222-227.